

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 32

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Санкт-Петербург
«Росток»
2016

УДК 821.161.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
В81

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Н. Г. Охотин

Рецензенты:
Е. Н. Григорьева, В. А. Мильчина

ISBN 978-5-94668-207-7

© Авторы статей, 2016
© Пушкинская комиссия РАН, 2016

В результате текст с читательской интерполяцией стал каноническим и долгое время воспроизводился в печатных изданиях дореволюционных, советских и — по инерции — постсоветских.

В советскую эпоху, когда Пушкина представляли яростным борцом с самодержавием, подобное прочтение стало очень удобным. Навязанное искаженным стихом восприятие текста заставляло авторитетных исследователей, «наступая на горло» собственной филологической квалификации, рассуждать о том, что в журнальной публикации «свободу» на «природу» заменила реакционная царская цензура, которая неотвратно искажала пушкинские тексты «с самого их возникновения» и делала Пушкина «из певца свободы поэтом-созерцателем».³⁷

А. Г. Готовцева

³⁷ Розанов И. Н. Пушкин — певец свободы // А. С. Пушкин, 1799—1949: Материалы юбилейных торжеств. М.; Л., 1951. С. 103—104; Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1: (1813—1824). С. 181—182.

ПОЭТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ «ВАКХИЧЕСКОЙ ПЕСНИ»

Давно отмечено, что «Пушкин входил в российскую литературу под неумолчный перезвон “вакхических песен”. Их писали, переписывали. Их осмеивали в метких пародиях. Их отвергали. И их снова и снова принимались писать».¹ Тем не менее поэтический контекст, с которым тесно связана пушкинская «Вакхическая песня», до сих пор, как кажется, не описан с достаточной степенью подробности. Задача данной заметки — восполнить эту лауну.

«Вакхический» жанр получил широкое распространение в русской поэзии 1810—1820-х гг. В 1815 г. в «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах» было включено сразу несколько «образцов» этого жанра: «Веселый час» Карамзина (впервые — 1791, под заглавием: «Песня веселых»), «Песня в веселый час» Жуковского (впервые — 1813) и «Веселый час» Батюшкова (впервые — 1810). Песенная природа произведений была несомнен-

¹ Калло Е. М., Турбин В. Н. Эхо «Вакхической песни» // Болдинские чтения. Горький, 1981. С. 108.

на: в двух последних стихотворениях повторялся припев; у Батюшкова рефрен варьирован, у Жуковского он неизменен и отдан хору:

Полней стаканы! Пейте в лад!
Так пили наши деды!
Тебе погибель, супостат!
А нам венец победы!²

Восприятие этих текстов как образцовых подтверждается хотя бы тем, что одну из своих дерптских «Песен» 1823 г. Языков начал с первой строчки рефрена Жуковского:

Полней стаканы, пейте в лад!
Перед вином благоговенье:
Ему торжественный виват,
Ему — коленопреклоненье!³

Обращение к жанру вакхической песни вообще предполагало использование типовых мотивов и выражений «формульного характера, широко употребительных в дружеском застолье. С помощью таких словесных оборотов в стихотворный текст часто транспортируются ритуальные застольные движения, застольная жестикуляция». ⁴ Примеры тому встречаются в изобилии. Ср., в частности: «Выпьем разом, и до дна, / Море светлого вина» (К. Н. Батюшков, «Веселый час»);⁵ «Братья, рюмки наливайте! / Лейся через край вино! / Все до капли выпивайте; / Осушайте в рюмках дно!» (Н. М. Карамзин, «Веселый час»);⁶ «Туда вели отраду нашу / Принести — фалернское вино! / Наполним круговую чашу / И осушим с весельем дно» (А. С. Норов, «К Делию (из Горация)»);⁷ «К устам покал!» (Д. П. Самсонов, «Бакхическая песнь»);⁸ «Друзья!

² Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. СПб., 1815. Ч. 2. С. 177.

³ Языков Н. М. Стихотворения и поэмы / Сост., подгот. текста и примеч. К. К. Бухмейер, Б. М. Толочинской. Л., 1988. С. 78. (Библиотека поэта. Большая сер.).

⁴ Попов А. Н. «Там Вакх торжественно смеется...»: О коммуникативно-игровой природе студенческих вакхических песен XIX века // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2004. № 11. С. 43.

⁵ Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. Ч. 2. С. 253.

⁶ Там же. С. 177.

⁷ Дух журналов. 1816. Ч. 13. С. 231.

⁸ Благонамеренный. 1818. Ч. 3, № 7. С. 24 (подпись: Д. Са—онов).

покалы к небесам...», «Налей и мне, товарищ мой...» (Н. М. Языков, «Песня»);⁹ «Стучите чашами громчей; / Дружной гетер и Вакха пойте!» (А. А. Дельвиг, «Романс»);¹⁰ Подобные формулы звучат и у Пушкина: «Полнее стакан наливайте!»; «На звонкое дно / В густое вино / Заветные кольца бросайте!»; «Подыдем стаканы, содвинем их разом!» (II, 420).

В вакхических песнях нередко призывы «не только <...> к винным возлияниям, но и к участию в хоровом пении <...> дружеская пирушка <...> оказывается запечатленной как действие, совершающееся одновременно с пением. <...> ...сама ситуация исполнения песни входит в текст как важная часть его художественно-смыслового целого». ¹¹ Таким же призывом, возгласом «певца, как бы ведущего в предполагаемом хоре», ¹² звучит пушкинское «Что смолкнул веселия глас? / Раздайтесь, вакхальны припевы!» (II, 420).

Поэты охотно включали в свои песни не только императивные, но и афористичные формулы:¹³ «Прощай, Киприда, бог с тобою! / С фиалом счастлив я: / Двоих дружишь ты меж собою, / А Вакхом все друзья» (А. А. Дельвиг, «Вакх»);¹⁴ «С одним непьяный слажу я! / С десятком уберуся пьяный! / <...> если Бог не сотворил / Стихией влагу драгоценну, / Он осторожно поступил — / Мы осушили бы вселенну!» (В. А. Жуковский, «Песня в веселый час»);¹⁵ «Старец в нем <вине> находит младость, / Бедный — горестям конец» (Н. М. Карамзин, «Веселый час»);¹⁶ «Други! Нам вожди прямые / К храму славы и наук — / Леля стрелы золотые, / Рюмок звон и стук!» («Вакхическая песня», без подписи);¹⁷ «В сухотку стихотворства бог / Парнасских лебедей приводит; / Спасибо, гений мой восторг / На дне ковша всегда находит!» (С. Д. Нечаев, «Вакхическая песня»);¹⁸ «Кто заботы и печали / Топит в пенистом фиале, / Тот один прямой мудрец» (В. К. Кюхельбекер, «Бакхическая песнь»);¹⁹ «Пусть мудрецы минувших лет / Винят забавы наши; / Мы выслушаем их совет — / И опорожним чаши. /

⁹ Языков Н. М. Стихотворения и поэмы. С. 82, 83.

¹⁰ Дельвиг А. А. Соч. Л., 1986. С. 44 (стихотворение 1823 г.).

¹¹ Попов А. Н. «Там Вакх торжественно смеется...». С. 43.

¹² Калло Е. М., Турбин В. Н. Эхо «Вакхической песни». С. 107.

¹³ См.: Попов А. Н. «Там Вакх торжественно смеется...». С. 46.

¹⁴ Дельвиг А. А. Соч. С. 64 (стихотворение 1815 г.).

¹⁵ Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. Ч. 2. С. 184—185.

¹⁶ Там же. С. 177.

¹⁷ Там же. С. 169.

¹⁸ Вестник Европы. 1816. Ч. 86, № 8. С. 272.

¹⁹ Благонамеренный. 1819. Ч. 6, № 7. С. 12 (подпись: Вильгельм К.).

Друзья, скажите, кто из нас / В сужденьях справедливей? / Они умнее во сто раз — / Мы во сто раз счастливей!» (П. А. Межаков, «К друзьям во время бури»);²⁰ «Мало ль подвигов свершилось / С Ноевых времен, вином? / Мало ль им чудес творилось? / Чрез него... и я с умом!» (О. М. Сомов, «Бахическая песня»);²¹ По большей части эти формулы имеют шутливо-ироничный характер, что определяется театрално-игровой жанровой природой вакхической поэзии. В отличие от них пушкинский императив (ст. 10—16) придает стихотворению характер возвышенного гимна солнцу, любви и разуму.

Практически во всех вакхических песнях тема вина сопрягается с темой любви. Иногда они противопоставляются друг другу, как, например, в «Вакхической песне» Вл. Измайлова:

Любовь! Тебе прости навеки я сказал,
Желаю Вакху в плен отдаться;
Полвека я любил и от любви страдал,
Полвека буду напиваться.
<...>
В слезах моих погас светильник твой злосчастный,
Светильник дней моих я погашу в вине.²²

Тот же мотив — в уже цитированном «Вакхе» Дельвига («Прощай, Киприда, бог с тобою! / С фиалом счастлив я...») и в «Бахической песне» Кюхельбекера:

Что мне до стишков любовных?
Что до вздохов и до слез?
Мне, венчанному цветами,
С беззаботными друзьями
Пить под тению берез!²³

Чаще, однако, эти две темы, как и в «Вакхической песне» Пушкина, составляют неразрывное целое: друзья проводят время «с золотыми чашами в руках, / С любовью, с дружбой на устах» (К. Н. Батюшков, «Веселый час»). Этот образ — общее место вакхической поэзии: автор элегии «К друзьям», подписавшийся буквой Z, в тех же выражениях вспоминает о прошедших радостях:

²⁰ Благонамеренный. 1821. Ч. 13, № 4. С. 193.

²¹ Там же. № 6. С. 316.

²² Российский музеум. 1815. Ч. 4, № 12. С. 233 (с подзаголовком: «Перевод»).

²³ Благонамеренный. 1819. Ч. 6, № 7. С. 12.

Давно ли, о други! мы вместе сидели
С любовью в сердце и с чашей в руках?
Давно ли, о други! песнь Вакху мы пели
На лирах нестройных, на звонких струнах?²⁴

В. Туманский в стихотворении «Веселый час» соединяет две темы в одной строфе: «Други! веселие! Кубки налиты: / Зреют любовию Граций ланиты...»;²⁵ Бахус и Эрот венчают пирующих в «Застольной песне» Дельвига (1814–1817), союз Либера и Амура воспет в его стихотворении «Дифирамб. (1816. 15 апреля)», тот же мотив — в другом его «Дифирамбе» («Други, пусть года несутся...», 1814–1817).²⁶

За годы, отделяющие первую в русской поэзии «Вакхическую песню» от пушкинской, жанр успел накопить массу штампов, которые становились предметом пародирования и осмеивания. Так, автор, обозначивший свое имя пятью точками, опубликовал в 1821 г. в «Благонамеренном» «Правила нынешних молодых поэтов»:

Всегда тверди сто раз одно:
«Звон чаши золотой, пенистое вино,
Восторг любви, конец желаний
Есть — сладострастие!» — Прибавь тут восклицаний;
Скажи: «Здесь счастья нет для сердца и души!» —
Примолвить не забудь, что ты всегда мечтаешь,
Что ты здесь — пьешь вино; там — счастья ожидаешь...
И вот все правила — бери перо — пиши.²⁷

В том же 1821 г. вышло стихотворение «Вакхические поэты» А. А. Крылова — пародия на вакхическую поэзию как моду, написанная в форме письма к издателю «Благонамеренного» А. Е. Измайлову.²⁸ В ней подчеркивается «явно бутафорский характер» эпикуреизма. «Поэты “стучат бокалами пустыми”, вокруг “звучат <...> рифмы и стаканы”, поэзия сосредоточивается у “чаши круговой”. Круговая чаша, бокалы, стаканы — что-то вроде театрального рек-

²⁴ Там же. 1818. Ч. 3, № 7. С. 13.

²⁵ Там же. Ч. 2, № 6. С. 279.

²⁶ См.: Дельвиг А. А. Соч. С. 33, 103–104, 117; см. также: Нечаев С. Д. Вакхическая песня // Вестник Европы. 1816. Ч. 86, № 8. С. 271–272; Ры—ский. Песнь пирующих // Благонамеренный. 1818. Ч. 1, № 2. С. 196–197; Са<мс>онов Д. Вакхическая песнь // Благонамеренный. 1818. Ч. 3, № 7. С. 24–25.

²⁷ Благонамеренный. 1821. Ч. 13, № 3. С. 146–147.

²⁸ Там же. Ч. 14, № 10. С. 140–141.

визита, подлинность которого для пародиста сомнительна. Пародист, проецируя антураж вакхических песен в реальность, рисует гротесковую картину повального пьянства на отечественном Парнасе». ²⁹ Кюхельбекер, сам отдавший дань вакхической поэзии, в стихотворении «Кофе» противопоставляет вину этот напиток. ³⁰ Отказ от ценностей дружеского пира и восхвалений «вина и Вакха» становятся предметом поэтической рефлексии в элегии Баратынского «Уныние»; здесь видим и «веселый шум пиров», и «чашу круговую», и «дружеский фиал», и «веселье буйное»:

Но что же? вне себя я тщетно жить хотел,
Вино и Вакха мы хвалили;
Но я безрадостно с друзьями радость пел:
Восторги их мне чужды были.³¹

«Пушкин откровенно и щедро берет у своих собратьев по перу все атрибуты условного античного пира, стилевую риторику, лексику». ³² Однако тема эпикуреизма выведена в «Вакхической песне» за пределы общих мест гедонистической лирики и наполнена новым интеллектуальным содержанием. ³³

В большой мере обновлению сложившейся к середине 1820-х гг. традиции служило сближение пушкинского текста с восходящим непосредственно к античности жанром дифирамба, также весьма популярным в русской поэзии 1810—1820-х гг. По определению А. Ф. Мерзлякова, дифирамбам в античной поэзии принадлежала «средина между гимнами и героическими одами <...>. Они сочинялись первоначально для праздников Бахуса. <...> Обыкновенным содержанием дифирамбов были торжественные, веселые чувствования, которые возбуждало в душе стихотворца вино, и признательное удивление к первому его насадителю. Лирический беспорядок в целом, отважность и смелость в картинах, новые слова и обороты

²⁹ Калло Е. М., Турбин В. Н. Эхо «Вакхической песни». С. 109. Ср. также: Гудок и кубок // Сын отечества. 1819. Ч. 56, № 38. С. 229—231 (подпись: — о —).

³⁰ Невский зритель. 1820. Ч. 1. Февраль. С. 91—92.

³¹ Сын отечества. 1821. Ч. 67, № 3. С. 128—129.

³² Калло Е. М., Турбин В. Н. Эхо «Вакхической песни». С. 111.

³³ Нетрадиционный характер решения Пушкиным темы «дружеской сходимости» отмечен В. К. Кюхельбекером в дневниковой записи от 19 мая 1835 г.: он причислил «Вакхическую песню» к произведениям, которые «слишком остроумны, слишком обдуманно, обделанны и рассчитанны для эффекту» (Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 363. («Литературные памятки»)).

в языке часто преступали должные пределы в сем роде сочинения». ³⁴ «Сей род поэзии требует изображений новых, неожиданных, высоких, чудесных, чувствований сильных <...>. Никакой определенной формы дифирамбы не имеют...» ³⁵ В популярном в конце XVIII—XIX в. сочинении Ж.-Ж. Бартелеми (Barthélemy; 1716—1795) «Путешествие молодого Анахарсиса по Греции» («Voyage du jeune Anacharsis en Grèce», 1788) один из героев называет ряд жанровых признаков дифирамба: «Метафоры, не имеющие, по-видимому, никакого между собою отношения, следуют в нем одна за другою без всякого порядка. Стихотворец не идет, но скачет с порывами; видит связь мыслей, но оставляет ее в небрежении. Иногда переступает правила, предписываемые искусством, иногда употребляет разные меры стихов и разные роды изменений». ³⁶ Помимо сочинения Бартелеми, которое было известно как в оригинале, так и в русском переводе, ³⁷ сведения о жанре дифирамба Пушкин мог почерпнуть из 16-томного труда Ж.-Ф. де Лагарпа (Laharpe, La Harpe; 1739—1803) «Лицей, или Курс древней и новой литературы» («Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne», 1799—1805; в русском переводе в пяти частях вышел в 1810—1814 гг. в Петербурге), представлявшего собой лекции, читанные автором в парижском лицее Сент-Оноре в 1786—1798 гг., и служившего пособием для изучения французской словесности в Царскосельском лицее. Здесь о дифирамбе сказано: «...он составлял род смелого стихотворения <...> которое не было подвержено никакой определенной мере стихов, но употребляли в них все роды стопосложения без разбора <...> стихотворцу позволялось выдумывать и употреблять новые слова и выражения...» ³⁸ Разностопный амфибрахий «Вакхической песни», единственный раз встречающийся в поэтической практике Пушкина, имитирует форму античного дифирамба, ³⁹

³⁴ Мерзляков А. Ф. Краткое начертание теории изящной словесности. М., 1822. Ч. 1. С. 187—188.

³⁵ Из словаря древней и новой поэзии, составленного Н. Остолоповым // Вестник Европы. 1815. Ч. 84, № 21. С. 52.

³⁶ Бартелеми Ж.-Ж. Путешествие младшего Анахарсиса по Греции в половине четвертого века до Рождества Христова. СПб., 1809. Т. 6. С. 519.

³⁷ Почти одновременно вышли два перевода: указанный выше шеститомный в Петербурге (1804—1809) и с тем же названием — в девяти частях — в Москве (1804—1818).

³⁸ Лагарп И. Ф. Ликей, или Круг словесности древней и новой. СПб., 1811. Ч. 2. С. 325.

³⁹ См.: Томашевский Б. Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2: Материалы к монографии (1824—1837). С. 85.

для которого был характерен «беспорядок» в «мере стопосложения». ⁴⁰

Упомянутые во 2-м стихе «вакхальны припевы» отсылают именно к дифирамбам — «гимнам, воспеваемым в честь Вакха», в которых «часто во всей силе оказывается восторг», ⁴¹ исполнявшимся во время дионисий (вакханалий). Хор, прославлявший бога виноделия песнопениями, двигался вокруг алтаря. Гимн-дифирамб «исполнялся круговым или киклическим хором <...> и, поскольку приближался к типу действия, состоял в диалоге между хором и запевалою». ⁴² О круговом движении при исполнении дифирамбов упоминает в своем «Путешествии...» Бартеlemi. ⁴³ По наблюдениям Мурьянова, «пушкинский дифирамб незаметно выстроил исполнителей тоже в круг — императив о “сдвигании разом” стаканов осуществим только при круговом расположении участников хора, друзей поэта». ⁴⁴

Историю происхождения термина «дифирамб» Пушкин должен был узнать еще в Лицее, на уроках профессора Н. Ф. Кошанского. В «Ручной книге древней классической словесности <...> собранной Эшенбургом, умноженной Крамером и дополненной Н. Кошанским» рассказано, что, согласно мифу, Юпитер, явившись во всем величии к своей возлюбленной Семеле, послужил невольной причиной ее смерти прежде рождения их сына Вакха и вынашивал дитя до положенного срока в своем бедре. «Вот почему Вакх часто называется у поэтов богом *двукратно рожденным* (*dithyrambos*). Так впоследствии названы гимны, петье на празднествах в честь сему богу». ⁴⁵

Гимническое звучание пушкинского стихотворения создается архаизированными формами слов («смокнул», «вакхальны», «ве-

⁴⁰ Мерзляков А. Ф. Краткое начертание теории изящной словесности. Ч. 1. С. 188.

⁴¹ Бартеlemi Ж.-Ж. Путешествие младшего Анахарсиса по Греции... Т. 6. С. 518.

⁴² Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство. Баку, 1923. С. 225.

⁴³ Бартеlemi Ж.-Ж. Путешествие младшего Анахарсиса по Греции... С. 518.

⁴⁴ Мурьянов М. Ф. О пушкинской «Вакхической песне» // Мурьянов М. Ф. Пушкин и Германия. М., 1999. С. 147. Мотив «чаши круговой» воплощается у Пушкина в мотив круга, кольца (см. ст. 8), а они, в свою очередь, становятся символами солнца. Поэт «поднимает быт до уровня культовых символов» (Калло Е. М., Турбин В. Н. Эхо «Вакхической песни». С. 111–112).

⁴⁵ Ручная книга древней классической словесности <...> собранная Эшенбургом, умноженная Крамером и дополненная Н. Кошанским. СПб., 1817. Т. 2. С. 54.

селия», «девы», «жены»). «Вакхическая песня» — ликующая, энергичная песнь. Это впечатление достигается побудительными предложениями, обилием повелительных форм глаголов («раздайтесь», «наливайте», «бросайте», «подыдем», «содвинем», «Ты, солнце святое, гори!»); в стихотворении лишь одно повествовательное предложение — развернутая метафора (ст. 12–15). «Вакхический пир — это мир вина, любви и веселья, символизирующих свободу чувств и наслаждение ими. Он и начинается с прославления земных, чувственных радостей. <...> Затем настает очередь разума, мудрости, творчества. Пушкин движется от полноты чувств и удовольствий к познанию и интеллектуальному постижению их, в конечном итоге — к истине. При этом “музы” и “разум” поняты как синонимы, потому что поэзия рождается солнцем ума и наполнена божественным светом».⁴⁶ Четырежды повторенные восклицания «да здравствует!...» / «да здравствуют!...» композиционно членят стихотворение в соответствии с этим движением к финалу-кульминации с конечной антитезой: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!»

Тем не менее пушкинское стихотворение не становится стилизацией античного дифирамба, сохраняя связь с «вакхической» традицией XIX в. Античность отражена у Пушкина «ассоциативно», она осталась вне образной системы стихотворения <...>. Оно передает светлую радость свободного веселья, неизбежно вызывая представление об античном характере этого веселья. И дело здесь не в названии, не в упоминании Вакха и муз, а в умении передать тот тип веселья, ту психологическую атмосферу, которую читатель соотносит с античным миром».⁴⁷

Показательно, что в издании «Стихотворений» 1826 г. Пушкин включил «Вакхическую песню» не в отдел «Подражания древним», а в отдел «Разные стихотворения». В собрании стихотворений, готовившемся в 1836 г.,⁴⁸ «Вакхическая песня» должна была войти в отдел «Стихотворения лирические», открывавшийся «Торжеством Вакха» (1818), в котором исследователи также обнару-

⁴⁶ Скибин С. М., Прокофьева Н. Н., Коровин В. И. История русской литературы XIX века. М., 2005. Ч. 1. С. 66.

⁴⁷ Рассовская Л. П. Особенности создания черт национального характера в лирике А. С. Пушкина // Проблемы истории критики и поэтики реализма. Куйбышев, 1978. Вып. 3. С. 59.

⁴⁸ О замысле этого издания см.: Ларионова Е. О. Неосуществленное собрание стихотворений Пушкина 1836 года // Пушкинская конференция в Стэнфорде. 1999: Материалы и исследования. М., 2001. С. 271–288.

живают определенную близость к жанру дифирамба.⁴⁹ Реалии «Вакхической песни» представляют собой анахронизм, если оценивать их с точки зрения античной традиции: герои «пьют не принятое у древних неразведенное *густое* вино из стаканов, самим своим названием показывающих непричастность к античности, и при этом чокаются — такой способ пить вино впервые засвидетельствован французскими текстами конца XVII века».⁵⁰ Разумеется, Пушкин прекрасно представлял себе реалии античной жизни — в соответствующих стихотворениях он называет «чаши» («Блаженство», 1814; «Торжество Вакха», 1818; «Клеопатра», 1828; «Мальчику. (Из Катюла)», 1832; «Бог веселый винограда», 1832), «кубки» («Торжество Вакха», 1818), «фиал» («Блаженство», 1814; «Фиал Анакреона», 1816; «Фавн и пастушка», 1813—1817). Между тем в стихах, где Пушкин следует традиции гедонистических посланий 1810-х гг., он позволяет себе смешение реалий разных эпох: так, в послании «К Б<атиюшк>ову» (1814) упоминаются и фиал, и стакан, и бокалы. Подобное смешение характерно для русской «вакхической поэзии». Так, в анонимной «Вакхической песне», опубликованной в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», соединяются и Лель, и Бахус, и шампанское, и «рюмок звон и стук».⁵¹

К числу современных Пушкину реалий, по всей видимости, относятся и «заветные кольца». Обычай обзаведения в тесных дружеских кружках одинаковыми кольцами (чаще всего с символическими изображениями и девизами) был весьма популярен в пушкинское время. Такие чугунные кольца, с изображением дружеского пожатия двух рук, раздал лицеистам при выпуске из Лицея Е. А. Энгельгардт. «Заветными кольцами» обладали и участники общества «Зеленая лампа»: по определению Н. О. Лернера, на щитке их ко-

⁴⁹ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004. Т. 2, кн. 1. С. 506; примеч. В. Э. Вацууро.

⁵⁰ Мурьянов М. Ф. О пушкинской «Вакхической песне». С. 147. Ср. в статье А. С. Грибоедова «Письмо из Бреста Литовского к издателю <«Вестника Европы»>» (1814): «Заискрилось шампанское в стаканах, / Венгерское густое полилось...» (Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 1999. Т. 2. С. 246), а также в трагедии Пушкина «Борис Годунов» (1824—1825), где выражение «струя, как жир, густая» отнесено, как и у Грибоедова, к венгерскому вину (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2009. Т. 7. С. 52); в одном из вариантов «Послания к Л. П<ушкину>» (1824) поэт назвал «густым» бургундское вино (II, 906). Слово «густое» в отношении вина характеризовало или его темно-красный, насыщенный (густой) цвет, или концентрацию (неразбавленное вино).

⁵¹ Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. Ч. 2. С. 169—171.

лец изображался «сосуд, вроде античного светильника, с высокой ручкой, изображающей не то змею, не то длинную птичью шею с головой». ⁵² В. Ф. Раевский, принадлежавший, как и Пушкин, к масонской ложе «Овидий», носил «в знак политического союза» и «дружеской связи» с близкими ему по духу офицерами железное кольцо. ⁵³

Таким образом, в пушкинской «Вакхической песне» «вакхическая» традиция XIX в. сближается со своим античным истоком, но при этом поэт не прибегает к прямой стилизации античных образов. В рамках стихотворного текста органично соединились черты современной и архаичной поэтической культуры.

А. С. Лобанова

⁵² Лернер Н. О. Заметки о Пушкине. II. Кольцо Зеленой Лампы // Русская старина. 1909. № 4. С. 197.

⁵³ См.: Базанов В. Г. В. Ф. Раевский: Новые материалы. М.; Л., 1949. С. 141.

О ХРОНОЛОГИИ РОМАНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Вся событийная канва романа Пушкина полностью сохранена в либретто оперы Чайковского. Но это составляет едва ли половину пушкинского текста. Что же остается за пределами действия оперы? Рассуждения по поводу? Действительно, Пушкин сообщал Дельвигу: «Пишу теперь новую поэму, в которой забалтываюсь донельзя» (XIII, 75).

На самом деле фабульные события в романе «Евгений Онегин» погружены в лирическую стихию. «Специфика лирики в том, — отмечает Л. Я. Гинзбург, — что человек присутствует в ней не только как автор, не только как объект изображения, но и как субъект, включенный в эстетическую структуру произведения в качестве действенного ее элемента. При этом разговор от имени лирического “я” нисколько не обязателен. Авторский монолог — это лишь предельная лирическая форма. Лирика знает разные степени удаления от монологического мира, разные способы предметной и повествовательной зашифровки авторского сознания — от масок лирического героя до всевозможных “объективных” сюжетов, персонажей, вещей, зашифровывающих лирическую личность именно с тем, чтобы